

Казакбаев А.Д.

БАЗОВЫЕ ПРИЗНАКИ МИРНОГО ПРОТИВОБОРСТВА - БОРЬБЫ У ТЮРКСКИХ НАРОДОВ (на материалах тюркского фольклора)

A.D. Kazakbaev

BASIC FEATURES OF THE PEACEFUL CONFRONTATION – THE STRUGGLE - THE TURKIC NATIONS (on the materials of the turkic folklore)

УДК: 947-65/11.8

В статье рассматриваются принципы спортивной психологии на материалах тюркского фольклора.

The article considers the principles of sports psychology on the materials of the Turkic folklore.

Базовый признак борьбы тюркских народов по принципу спортивной психологии «(я) должен - могу - хочу» восходит корнями к древнейшему, зародившемуся в недрах матриархата обычаю - брачному сватовству в виде испытания жениха. Данные социальные явления первобытности великолепно отражены в фольклоре. В нем сватовство героя рассматривается как «завоевание» (отвоевание; добыча) невесты посредством противоборств.

Прежде всего, подчеркнем, что мы разделяем точку зрения В.В. Проппа, в свое время говорившего, что обращение к поэтическому наследию народа важно тем, что фольклор, как и всякое искусство, восходит к действительности. Даже самые фантастические образы фольклора имеют свою основу в реальной действительности [18, с. 115].

Также напомним, что на средневековом памятнике тюркской письменности представлена фактическая передача сюжета «героического сватовства». Надпись на камне гласит: «чтобы (стать) богатырем (силачом) золото, серебро у народа и жену я добыл» [16, с. 27].

В тюркском фольклоре супружество оценивается как естественно-необходимое состояние героя. Поиск предназначенной богатырю невесты - обычно исходная мотивировка его первого подвига. Обретение жены, а вместе с ней нередко и собственности покоренного хана (наряду с получением оружия и коня) служит показателем зрелости героя. Отсюда - представления о жене, потомстве как о части богатства, имущества богатыря. Брак у кочевников имел ключевое значение не только в жизни отдельного человека, но и рода в целом. Он должен был обеспечить благополучие и непрерывность жизни социума в череде сменяющих друг друга поколений [20, с. 206].

Эта концепция своеобразно преломилась в тюркской эпике. В нем атрибуты героического детства довольно свободно приурочиваются к разным этапам жизни героя, связанным с состоянием переходности. Например, поход юного героя за невестой и состояние предшествующее свадьбе, т.е. «свадебная обрядность» насыщенная символикой переходности у тюркских народов

Сибири нередко «совпадала с инициационным циклом или завершала его» [20, с. 188].

Как верно заметили этнографы, необходимо обратить внимание на тип ситуаций, в которых возникает игра: «и у животных, и у людей они имеют один общий признак - это ситуации перехода из одного состояния стабильности в другое: из детства во «взрослость»; из небрачного состояния в брачное...» [15, с. 94].

Для нас же в этом плане важен факт того, что практически все герои тюркских эпосов в качестве брачных испытаний вступают в борьбу, органично входящую в состав триумvirата противоборств.

В связи с этим интересным представляется работа Э. Абдылдаева, по мнению которого эпохе, когда кыргызы жили в Южной Сибири и Центральной Азии, помимо прочих сюжетов, характерны были следующие формы эпических сказаний, это - борьба богатырей с мифическими чудовищами, а также - борьба за создание семьи «путем единоборства» [1, с. 9].

Почему древние кочевые племена (саки, тюрки, шргызы) решали вопросы брачных притязаний путем триумvirата противоборств (единоборств) [1, 9].

Дело в том, что в древности спортивные юзания филогенетически явились средством эффективной проверки ряда существенных показателей развитости (приспособленности, совершенства) индивидов, которые следовало считать прямым юрелятом развитости (совершенства) процесса общественного воспроизводства полноценных индивидов. Данные, касающиеся обряда инициации, т.е. юревода юношей и девушек в разряд взрослых, говорят, что таинство совершалось в виде состязательных испытаний. Психофизическое преимущество, продемонстрированное индивидом в ходе испытаний во время инициации, вскоре стали рассматривать более широко, не только как критерий гарантии юлучения более качественного потомства, но и как [ризнак способности управлять соплеменниками [7, . 60-69].

Именно победителю противоборств развиту юихофизически доставалась лучшая невеста. Поэтому в глубокой древности кочевники отвоевывали ее состязаниях-противоборствах. При создании семьи кзогамный брак образовал некоторые трудности. Кенитьба из других родов потребовала брачных испытаний в конных скачках, стрельбе из лука, в борьбе.

Сватовство героя и сопутствующие ему богатырские подвиги в противоборствах являются во

всех без исключения тюркских героических сказаний. Брак строго экзогамный [21, с. 112].

Об этом, исследуя морфологию сказочного фольклора, В.Я. Пропп пишет: «в сказке содержатся иные формы брака, чем сейчас. Герой ищет невесту вдалеке, а не у себя, здесь отразились явления экзогамии, невесту почему-то нельзя брать из своей среды» [17, с. 118]. «Прибыв в царство своей будущей жены, он узнает, что царем объявлена какая-то трудная задача, за выполнение этой задачи обещана рука царевны, и полцарства» [18, с. 287]. Сличение со сказкой подсказывает исконную мотивировку. Исконная мотивировка здесь чисто внутренняя: она идет от испытания жениха трудными задачами, которые первоначально исходят от самой царевны или ее отца и в качестве испытания жениха внутренне вполне мотивированы и исторически объяснимы. Подобные же задачи должны показать «правомерность притязаний на руку царевны, ими испытывается жених» [18, с. 289].

Однако В.Я. Пропп слегка пренебрежительно относится к тому, что испытания жениха происходили в состязательной форме, хотя не исключает вовсе и такого варианта. Он, следуя канонам сказочного сюжета, придает испытаниям магическую форму, отмечая, что герою в достижении цели по завоеванию невесты помогает некое «волшебное средство» [17, с. 254]. Но, согласно фактическому материалу как сюжет «героическое сватовство» очевидно, что «волшебное средство» нечто иное: как собственные психофизические (кондиционные) и интеллектуальные качества героя, которые он совершенствовал в процессе воспитания наставниками и демонстрировал в обряде посвящения.

По фольклору мы узнаем, что обряды инициации (посвящений) - это сконцентрированный процесс превращения ребенка во взрослого. В обряд входило обучение - передача мужской силы от взрослых членов племени молодым. Сюда входило и обучение секретам различных противоборств: наездничество, стрельба из лука, борьба и пр. С этого времени они уже не были детьми, они обладали обязанностями и правами взрослых мужчин.

Тем самым становится очевидным, что «хитрая» или «тайная наука» (знания) [17, с. 194-195], о котором упоминает В.Я. Пропп, и есть те приемы и навыки противоборств, которые герои фольклора периодически применяют в самых различных ситуациях. В особенности юные герои тюркской эпике в сюжете «героического сватовства». В частности, в казахском героическом эпосе «Кобланды-батыр» богатырский рост Кобланды, который растет не по дням, а по часам, говорит о его большой силе. В шесть лет юный Кобланды садится верхом на коня и переходит на воспитание к табунщику Естемису. Однако он не просто табунщик, отважный воин и меткий охотник, но и опытный наставник готовый обучить всем премудростям мужского ремесла юного героя.

Однажды Кобланды прознает, что хан выдаст свою дочь Кортку за того кто метко стреляет из лука по мишени, и решается испытать свое счастье. Естемис отговаривает его, пугая: «у ханской дочери страж-богатырь Кызылер сорока аршин высотой, не отдаст он тебе Кортку». Но, Кобланды непреклонен. Тогда Естемису поневоле пришлось мальчугана благословить. На состязательных испытаниях юный герой одним выстрелом сбивает мишень-монету. И тут богатырь Кызылер говорит: «Пусть безусый этот жених на борьбу выходит со мной! Если одолеет меня, пусть Кортка ему станет женой!». Недооценил богатырь «безусого жениха», и тут же погиб в поединке. Так Кобланды завоевал себе в жены красавицу Кортку, которая в свою очередь была поражена его подвигами [10, с. 33-35]. Т.е. невеста по достоинству оценила незаурядные психофизические и интеллектуальные способности, продемонстрированные женихом-притязателем в мирных противоборствах.

В этом сюжете эпоса прекрасно отражен процесс социализации юного героя посредством инициационно-брачных (испытательных) состязаний-противоборств - наездничество, стрельба из лука, борьба - присущих тюркским кочевникам. Напомним, в тюркской эпике малолеток до вступления на путь воинских действий, как впрочем, и на путь инициационных единоборств - неполноценная личность. Нередко к первому выезду на подвиги его побуждают родственники и сородичи, или, наоборот, они стараются удержать его, считая это для него еще непосильным [13, с. 47]. В частности в эпосе «Кобланды-батыр» наставник Естемис безуспешно старается удержать юного героя, сомневаясь в достаточности его силы. Однако далее отпускает в героическое сватовство, чтобы проверить его способности. Этому предшествует быстрое развитие будущего батыра. В шесть лет Кобланды твердо садится верхом на коня. Отец оценивает это, и отдает его на воспитание Естемису. Естемис в процессе умственного, трудовой, воинского, физического воспитания юного героя выступил и в качестве - тренера-наставника - привив ему навыки противоборств: наездничества, стрельбы из лука, борьбы. Вскоре юный герой решается посвататься к невесте, что подразумевает достижение им половозрелого возраста. На состязаниях юный Кобланды демонстрирует свои незаурядные психофизические и интеллектуальные способности. Тем самым он вполне заслуженно, первый раз в своей жизни, овладевает привилегированными статусами возмужалости и батыра, пройдя свадебную обрядность насыщенной символикой переходности, которая совпала с его инициационным циклом, тем самым завершив его. Не стоит забывать, что к возрастным инициациям близки все обряды включения человека в определенную социальную группу - свадебной, военной и т. д.

Тюркский эпический жанр, зародившийся в эру военной демократии, перманентно отражает события, происходившие при первобытности. Это отражено в мифических сюжетах (борьба с чудовищами, великанами). В свою очередь, мифологическая традиция, не стесненная рамками здравого смысла, приравнивала процесс формирования юного героя к саморазвитию. При этом физическая зрелость служила практически основным показателем зрелости социальной. Поэтому женитьба героя на невесте, в том числе и на мифических девах, посредством обычая состязательных противоборств является самым известным и наидревнейшим эпическим жанром тюркского фольклора и отражает принципы экзогамного брака.

У тюркских кочевых племен испытание жениха, как правило, носило комплексный характер, т.е. состояла из триумвирата противоборств: конные скачки, стрельба из лука, борцовские поединки. В.М. Жирмунский подчеркивает, что этот древнейший, сначала сказочно-фантастический тип богатырского сватовства на последующей ступени исторического развития оттесняется воинским, героическим. Богатырские состязания между женихами выступает как центральный эпизод героического сватовства в богатырских сказках тюркских народов. Поэтому в соответствии с «реальными бытовыми традициями воинских игр этих народов обычной формой таких состязаний являются бег коней (байга), стрельба из лука и борьба (кураш)» [9, с. 270-271]. Данный триумвират противоборств В.М. Жирмунский назвал обычным ритуалом героического сватовства у тюркских народов. Тройственность брачных состязаний держится очень прочно [9, с. 280].

В некоторых случаях герою после двух испытаний (конных скачках и стрельбы из лука) необходимо было одолеть в состязательной борьбе не только конкурентов-соперников претендующих, как и он сам, на руку и сердце невесты, но и отца (либо брата) девушки, в свою очередь убивавшего сватов в поединках. Также широко распространен сюжет борьбы батыра с не менее воинственной богатыркой, которая непосредственно сама испытывает жениха-притязателя, вступая с ним в поединок. Как правило, невеста, которая должна достаться победителю в состязаниях-противоборствах, участвуя в них нередко сама, стремится иногда избавиться этим путем от нежелательных женихов; но и с угодным женихом она вступает в борьбу, испытывая его и предоставляя ему право «законно» завоевать ее» [12, с. 55]. Либо невеста, наблюдая со стороны, предлагает жениху те или иные испытания. И это все является отражением элементов матриархата.

Прошедших испытание триумвиратом противоборств и готовых к женитьбе парней называли - *эр, жигит*. Р.С. Липец пишет: «в эпосе - для усиления впечатления - возраст этот иногда неестественно мал, но все же там, где архаика уже

выветрилась, обычен возраст батыра-малолетка в 12-15 лет». Этот возраст, в древние времена вполне соответствовал исторической действительности, указывая на брачный возраст и гражданское совершеннолетие [13, с. 49].

В свете вышесказанного, очевидно, что претенденту-жениху приходилось доказывать свою состоятельность, прежде всего противоположному полу - потенциальной невесте. Как известно в условиях материнского рода женщина наравне с мужчиной принимала участие во всех деятельности общества. Эта традиция еще длительное время сохранялась и в условиях отцовского рода, когда ведущее положение в обществе занял мужчина. Эпический жанр тюркских народов сохранил до наших дней образ богатырской девы - алп-кыз.

В XVIII веке из древнего кыргызского племени Нойгутов вышла храбрейшая девушка-богатырь Жаныл-Мырза: и могуча и хороша, для батыров чужих - гроза. Ни один богатырь не мог с ней сравниться в скачках, в стрельбе из лука и в борьбе. В кыргызской исторической поэме «Жаныл-Мырза» говорится, что она, опоясавшись, как боец, с луком, стрелами и мечом обошла весь Алтай. Чтобы в жены себе ее взять, шли ханы, вожди племен, батыры из разных стран. Жаныл-Мырза им заявляла: «Полюблю я только того, кто меня в бою победит» [11, с. 555].

«Состязаясь с Мырза-Жаныл, Ни один мужчина в борьбе Этой девушки не победил. Если с ней бороться на круг / Выходил батыр молодой, Знали все: победит Жаныл, Не вернется батыр домой» [11, С. 553]. В фольклорном мотиве тюркских народов традиционный образ алп-кыз, как отражение этих древних бытовых отношений, представлен многочисленными примерами: рослая Бурла-хатун, жена богатыря Салор-Казана в цикле «Китаби-Коркут»; Карлыга в казахской былине «Кобланды-батыр»: кара-калпакская богатырка Гюль-аим в «Кырк-кыз». В узбекском эпосе Барчин - богатырская дева, у которой «каждое плечо шириной в 15 охватов». Когда калмыцкий богатырь Кукамон хочет взять ее силой она, повалив на землю, коленом наступает ему на грудь, так что у него изо рта и носа брызжет кровь. В огузской версии этого сказания сватовству героя предшествуют брачные состязания между ним и его нареченной невестой богатырской девой Бану-Чечек, которую нужно добыть силой - скачка коней, стрельба из лука, борьба [8, с. 104].

Ф.И. Урманчеев отмечает, что во всех вариантах татаро-башкирского произведения о Тюляке сюжет богатырского сватовства выступает в своей древнейшей форме как «борьба героя с морской девой». Он также напоминает, что борьба между женихом и невестой перед свадьбой или брачной ночью - «мотив сам по себе очень древний», и он несет в себе «известные отражения представлений, связанных с эпохой матриархата». С другой стороны в сказании говорится о том,

что неперенным условием женитьбы героя на богатырской девице является его победа над ней. С другой, девушка не стала бы прятаться от отца, если бы она могла выйти замуж без его на то согласия. А это уже - отражение семейно-брачных отношений периода патриархального феодализма [21, с. 81].

В кыргызском эпосе-трилогии «Манас» борьба выступает в виде столкновения Манаса со своей невестой Каныкей на брачном ложе.

Столкновение между Манасом и его невестой является ослабленным вариантом широко распространенного сюжета укрощения богатырской девицы, которая, будучи побеждена героем в противоборстве или во время брачных состязаний, становится его возлюбленной или женой, после чего она обычно теряет свою богатырскую силу. В некоторых сказаниях дева, побежденная в брачных состязаниях, оказывает своему победителю сопротивление на брачном ложе [8, с. 103].

В алтайском эпосе «Алып-Манаш» сватовство богатыря выливается в единоборство героя с отцом невесты Ак-Каном. По эпосу у хана растет дочь Эрке-Каракчи «губительница богатырей», ибо «шестьдесят силачей свататься ездили - назад не вернулись. Семьдесят богатырей со сватовством обращались - назад следов нет». Алып-Манаш перед походом говорит: «Мой очаг, вместе с ее очагом разожен, моя постель, вместе с ее постелью послана». По прибытии на место, Алып-Манаш борется с Ак-Каном девять лет, и на десятом году со словами: «Из богатырских костей, на равнине горы сложили, с дочерью своей Эрке-Каракчи сколько лошадиной крови пролили», - убивает его, потом рассекает мечом и коварную невесту [4, с. 241-244]. В данном эпизоде усматривается древний мотив сватовства к наилучшей невесте; отмщение за невинно погубленных сородичей-батыров и их боевых товарищей - коней.

В кыргызском эпосе-трилогии «Манас» имеется эпизод, где говорится о том, что только богатырка Куялы сможет одолеть страшного богатыря Сарыбая. Храбрый Сейтек семь раз сражался и боролся с ним, но, так и не смог одолеть его. Над мирным народом нависает угроза. Тогда Айчурек (жена богатыря Семетей) отправляет к богатырке Куялы сообщение об угрозе Сарыбая. Вначале Куялы обещает бороться с Сарыбаем за народ, во имя дружбы. Но, приехав в Талас, неожиданно требует: «Мне нужен муж, пусть Семетей женится на мне, иначе я не буду бороться с Сарыбаем» [19, с. 278].

В башкирской сказке сказывается, отважная Барсын объявила: «Тот, кто победит ее в борьбе, станет ее мужем». Барсын борется с женихом Алп-батыром. Он побеждает, и она соглашается со словами: «Моя душа давно с тобой. Я твоя, а ты мой. Померились силой, теперь будем вместе» [3, с. 45].

О глубокой древности мотива «героическое сватовство» свидетельствуют сюжеты женитьбы

на мифических персонажах. В казахской сказке «Таласпай-Мерген» среди многочисленных эпизодов эпической биографии героя упоминается и поединок с богатырской девицей, дочерью МИФИческой птицы Алып-карагус. При встрече девушка стреляет в батыра из лука, потом предлагает бороться: «если ты победишь меня, то я выйду за тебя замуж». В борьбе

Таласпай остается победителем, девушка становится его женой [9, с. 292].

По мнению Э.Абдылдаева позднее традиция единоборства (противоборств-состязаний) при женитьбе перестала существовать, уступив свое место новым традициям, как например *калым* (выкуп невесты), что является «поздними этапами развития традиции» [1, с. 11]. Синтез традиций сватовства как древнейшего, так и более позднего ясно прослеживается в эпосе-трилогии «Манас». Сватовство Манаса к Каныкей мотивировано в духе обычаев мусульманской религии. Манас, у которого уже есть две жены, захваченные силой, хочет иметь «законную» жену, просватанную ему отцом и купленную, согласно обычаю, на калым. Однако это истолкование сватовства Манаса, как заметил В.Н. Жирмунский, «позднейшее переосмысление». Поэтому свадебная поездка Манаса к невесте первоначально имела характер героического сватовства, в котором невеста добывалась силой [8, с. 102].

Таким образом, становится очевидным, что противоборства брачно-притязательного характера - конные скачки, стрельба из лука, борьба - имеют глубокие истоки, и нашли свое отражение в эпических сюжетах.

Во II веке н.э. древнеримский писатель Клавдий Элиан касаясь свадебных обычаев среднеазиатских кочевых племен *сак* сообщал: «Кто из саквов захочет жениться на девушке, должен вступить с ней в борьбу. Если верх остается за девушкой, побежденный борец становится ее пленником и поступает в ее полное распоряжение, только поборов девушку юноша может взять ее в свою власть» [6, с. 23]. Сообщения Элиана подтверждаются данными тюркского фольклора. В частности в якутской сказке «Кыс бухатыр» сказывается о том, что богатырь Далантай захотел взять силой Кыланнах Кыс. Он ей заявил: «Выходи за меня сама, или дай мне свою сестру». Услышав это, Кыланнах Кыс вступила с ним в борьбу, но богатырь был силен, и только к концу третьего месяца она поборола его. Тогда он взмолился ей: «Не убивай меня, Кыланнах, я тебе ничего не сделал худого. Я думаю, что сватовство не есть оскорбление, за которое надо платить убийством; за жизнь, дарованную мне, я после заслужу». Кыланнах вняла его мольбам, и Далантай стал служить ей [22, с. 177].

Обобщая, отметим, всему вышесказанному свидетельствует правдоподобная, на наш взгляд, точка зрения С.Алиева. Данный манасовед, комментируя борьбу древних кыргызов предположил,

что богатырское единоборство - борьба куреш - вероятно могла возникнуть от мотива женитьбы героя как средство испытания его; либо невеста такая же богатырка и герой только в поединке одолев ее жениться на ней [14, с. 135].

Подобную мысль ранее высказал и В.М. Жирмунский. А именно: борьба куреш с «... истечением исторического времени в большей степени утратила характер брачного состязания, превратившись в обычную спортивную игру молодежи, сопровождающую различные семейные и общественные праздники» [9, с. 268]. Правда, необходимо заметить, эти слова В.М. Жирмунского были высказаны конкретно о *кыз-кумай*, конной состязательной игре между девушками и юношами. Но тем не менее, мы смеем утверждать, согласно анализу значительного по объему тюркского фольклора данное положение может относиться и к борьбе *куреш*.

В этой связи, красноречивым примером является сам глагол, древне (средне-) тюркского происхождения, побуждающий к действию - *кигеѝ*. Напомним, в поэме «Kutadgu Bilig», а также в «Древнетюркском словаре» отмечено, что глагол *кигеѝ* помимо основного - бороться, еще передает значение - сходиться; приходится как раз [5, с. 328]. Вспомним историческую поговорку из словаря «Divanu Lugat-it-Turk»: «*kiz birle kuregme, kizrak birle uaytaŷ*) - с девушкой не борись, с кобылицей не состязайся (на скачках)». Эта поговорка появилась и стала широко известной после того, как новобрачная княжна, дабы испытать жениха на брачном ложе борцовским приемом - якобы подножкой - сбита с ног султана Газны Масуда (XI в.) [23, с. 474].

Таким образом, согласно одному из вариантов этимологизации данного глагола, возможно на наш взгляд, нижеследующая версия: невеста в процессе изнуряющей для нее борьбы с героем, в какой-то момент, оценив его незаурядные психофизические и интеллектуальные возможности, решает, что он ей вполне приходится как раз, и можно сходить с ним в браке. Или наоборот, как в случае борьбы княжны с женихом Масудом.

С другой стороны, как уже было отмечено, состязания по пешей борьбе «куреш» и конной борьбе «оодарыш» у кыргызов, также как и у других тюркских племен, устраивались во время свадебных обрядов. Т.е. логично рассудить, что после завоевания невесты сторона жениха устраивала определенные свадебные церемонии, где уже другая неженатая молодежь затевала меж собой состязательные игры-противоборства.

Об этом С.М. Абрамзон отмечает: «Накануне и во время свадебного пира совершались многочисленные обрядовые действия, восходящие как к древним социальным брачным институтам. Свадебные торжества сопровождались зрелищными и увеселительными, содержащими много игровых и состязательных элементов». Популярными были пешая и конная борьба, а также

традиционное состязание по вытягиванию крепко вкопанного в землю толстого аркана *төшөкталашуу* [2, с. 246-247].

Төшөк талашуу носило характер состязания - борьбы - между молодыми мужчинами со стороны жениха и молодыми мужчинами со стороны невесты. Эта борьба, по мнению С.М. Абрамзона: «олицетворяло борьбу между родом жениха и невесты, иначе, противоречие между укрепившимся патриархальным укладом и отстаивающим свои позиции архаическим строем семейно-брачных отношений» [2, с.249]. Заметим, что тяга к развлекательности и игривости заимствована свадьбой от более ранних ритуальных форм повышения социального статуса - обрядов инициации, насыщенной разнообразными соревнованиями: скачками, стрельбой, борьбой [15, с. 40].

Данные состязания, наблюдавшиеся в еще недавнем прошлом на кыргызской свадьбе, безусловно, свидетельствуют об архаичных истоках древнейшего обычая брачного сватовства посредством испытания в противоборствах, происходившие еще при матриархате. В связи с чем, напомним, что различные состязания-противоборства богатырей упоминаются в тюркских эпосах и сказках еще и как свадебные. Поэтому эти «игры-состязания, сопровождавшие свадебный той у кочевых народов Средней Азии, - байга, борьба, стрельба в золоченую тыкву, являющиеся пережитками древних брачных состязаний» [9, с. 269]. Во время подобных состязательных игр-противоборств на свадебном тое неженатая молодежь присматривались друг к другу я вступавшие в пешую или конную борьбу парни старались проявить себя с наилучшей стороны перед лицом потенциальных невест - наблюдателей - болельщиц. Иначе говоря, они были лично заинтересованы на высокий спортивный результат движимые адекватной мотивацией: отличиться, самоопределиться в кругу молодежи, а самое главное понравится той или иной девушке. С другой стороны здесь просматривается функция - коммуникации, в процессе игр-противоборств участники тесно общаются меж собой, находясь в русле общих на тот момент интересов. Во времена первобытности, точнее при матриархате, не исключено, во время подобных молодежных собраний девушки выбирали себе мужей, вступая с ними в состязательную борьбу.

Выводы: На основе вышеприведенных тезисов мы склонны полагать, что одним из базовых признаков в возникновении борьбы «куреш» в виде мирного противоборства у современных тюркских народов в глубокой древности являлись - инициально-брачные притязания (мотивы) индивида. В состязании оценивались психофизические и интеллектуальные способности претендента на статус состоятельности. Борьба в виде мирного противоборства возникла в недрах матриархата, и, она была, прежде всего,

«инициационно-брачного» испытательного типа противоборством. В данном контексте яснее всего проявляется ее оценочная функция. Здесь же отметим и об ее коммуникативных и социальных функциях. С другой стороны фольклорный материал о борьбе богатырок свидетельствует: о глубоких истоках современной женской борьбы.

Литература:

1. Абдылдаев Э. Об эволюционном развитии эпоса "Манас": Автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.03.-Фрунзе: 1967. 25 с.
2. Абрамзон С.М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. - Фрунзе: "Кыргызстан", 1990.-478 с.
3. Башкирское народное творчество: Богатырские сказки / Сост. Н.Т. Зарипов. -Уфа: Башк. кн. изд-во, 1988.-446 с.
4. Берков П.Н. Алтайский эпос и "Манас" // Киргизский героический эпос "Манас" [сб. ст.]. - М.: Изд-во АН СССР, 1961.-С. 235-257.
5. Древнетюркский словарь / Под ред.: Т.А.Боровкова. - Л.: Наука, 1969. 676 с.
6. Древние авторы о Средней Азии: Хрестоматия / Под ред.: Л.Баженова.Ташкент: Гос. изд. науч.-тех. и соц.-экон. лит. УзССР, 1940. - 172 с.
7. Ермак Н.Р. Единство и много функциональность спорта: Дисс. ... канд. пед. наук: 13.00.04. - Малаховка, 1999.- 142 с.
8. Жирмунский В.Н. Введение в изучение эпоса "Манас" // Киргизский героический эпос "Манас" [сб. ст.]. - М.: Изд-во АН СССР, 1961. - С. 85-196.
9. Жирмунский В.Н. Тюркский героический эпос / Отв. ред.: А.Н.Кононов. - Я.: Наука, 1974. - 727 с.
10. Кобланды-Батыр. Казахский эпос / Под ред.: И.Сельвинского. - Алма-Ата: "Художественная литература", 1958. 654 с.
11. Ковры по склонам сизых гор: фольклор и литературные памятники Киргизии/Сост.: А.А. Акматалиев, Р.З. Кыдырбаева.- М.: Художественная литература, - 613 с.
12. Липец Р.С. "Завоеванная женщина" в тюркомонгольском эпосе // Фольклор и историческая этнография [сб. ст.] / Ред. кол.: Р.С.Липец. -М.: Наука, 1983. -42-74.
13. Липец Р.Г. Образы батыра и его коня в тюркомонгольском эпосе. -М: Наука, 1984,- 263 с.
14. Манас энциклопедиясы. 1-том. - Бишкек: КЭнын башкы редакциясы, 1995.-440 б.
15. Морозов И.А., Слепцова И.С. Круг игры. Праздник и игра в жизни севернорусского крестьянина (XIX-XX вв.). - М.: "Индрик", 2004. -920 с.
16. Памятники древнетюркской письменности Тувы. Вып. II/Сост.: И.А. Батманов, А.Ч. Кунаа, - Кызыл: Тувинск. кн. изд-во, 1963. - 41 с.
17. Пронл В.Я. Морфология волшебной сказки. Собрание трудов В.Я. Проппа / Сост.: И.В. Пешкова. - М.: «Лабиринт», 1998.-512 с.
18. Пропп В.Я. Фольклор и действительность. Избранные статьи/В.Я.Пропп. - М.: Наука, 1976. - 324 с.
19. Сыдыкбеков Т. О народности поэмы "Сейтек" - третьей части трилогии эпоса "Манас" // Киргизский героический эпос "Манас" [сб. ст.]. - М.: Изд-во АН СССР, 1961. - С. 269-282
20. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Человек. Общество/Сост. Э.Л.Львова [и др]. - Новосибирск: Наука, 1989.-241 с.
21. Урманчиев Ф.И. Героический эпос татарского народа.
22. Казань: Татар, кн. изд-во, 1984. - 310 с.
23. Якутские сказки // Живая старина. Вып. III. - СПб., 1891.-С. 177-179.
24. Kasgarli Mahmud. Divanu Lugat-it-Turk.Cilt I - Ankara: Turk Tarik Kurumu Basimevi,1992. - 530 b.

Рецензент: д.и.н., профессор Батырбаева Ш.